

7 КРУЗОЗОР 75

первый нарком здоровья

...В темноте кинозала я услышал шепот девочки-подростка:

- Мама, а что такое сышняк?
- Болезнь такая, сышной тиф.
- А почему он сышной?
- Сыпь появляется, наверное.
- А что такое тиф?
- Придем домой, в энциклопедии посмотрим...

Я оглянулся. Маме не более тридцати, и ее затруднения понятны. Ведь представление новых поколений об условиях, в которых приходилось жить в годы революции и гражданской войны, и не просто жить, а воевать и строить, неизбежно становится все более общим. Остается историческая канва и социально-политический смысл событий. Но нередко именно какая-либо прозаическая деталь или сторона быта первопроходцев социализма помогает не просто понять, а глубоко прочувствовать степень их героизма.

Продолжение на стр. 4.

А. ЕЛИСЕЕВ,
летчик-космонавт СССР

Все наши космонавты по давней традиции перед полетом обязательно приходят на Красную площадь, к Мавзолею Ленина. В мае этого года, в канун первого совместного полета советского и американского кораблей, Красная площадь увидела экипажи «Союза» и «Аполлона» вместе. И это было символично.

Все они не новички в космических исследованиях. Командир нашего основного экипажа Алексей Леонов — первый, кому пришлось испытать комфорт космического снаряжения вне корабля. Бортинженер Валерий Кубасов — первый, кому довелось заниматься сваркой в космосе. Командир второго экипажа Анатолий Филипченко дважды летал на «Союзах». Бортинженер Николай Рукавишников летал на «Союзе» и работал с орбитальной станцией «Салют».

Командир «Аполлона» Томас Стаффорд трижды поднимался в космос, в 1969 году совершил облет Луны. Пилот «Аполлона» Дональд Слейтон все эти годы был руководителем подготовки американских астронавтов. Энс Бранд хотя в полетах не участвовал, но неоднократно был дублером, и хорошо известна его роль в подготовке научной экспедиции на «Скайлэбе». Командир второго экипажа Аллен Бин высаживался на Луну, а недавно провел 59 суток на «Скайлэбе». Джек Лаусма также побывал на «Скайлэбе». Рональд Эванс пилотировал «Аполлон-17».

Совместный полет поставил много проблем перед специалистами обеих стран. Были решены большие технические задачи: создание стыковочных узлов, радиосредств, совмещение атмосферы «Союза» и «Аполлона» и так далее. Успешно преодолены сложности в разработке процесса управления космическим полетом, когда используется ши-

РУКОПОЖАТИЕ НА

О подготовке программы «Союз» — «Аполлон» корреспонденту «Кругозора» рассказал руководитель полета с советской стороны дважды Герой Советского Союза А. С. Елисеев.

рочая сеть измерительных пунктов, вычислительных центров. Ведь управление должно идти из двух центров, расположенных на разных континентах, а такого опыта раньше не было.

Чтобы яснее представить задачи центров управления, напомним, что «Аполлон» должен подняться в космос через семь с половиной часов после «Союза». На 36-м витке, при подходе к берегам Крыма и Кавказа (примерно там же, где А. Леонов вышел в открытый космос), должна будет произойти стыковка.

В течение двух суток совместной работы все члены советского и американского экипажей посетят корабль другой страны. Для каждого визита намечена своя программа. Например, во время второго перехода А. Леонов отправится на «Аполлон», а В. Кубасов примет В. Бранда. Кубасов должен будет провести репортаж для американских слушателей на английском языке о СССР и

нашем корабле, а для советских слушателей — рассказать о выполнении программы, о космической пище, которую будет дегустировать Бранд. Вместе они выполнят несколько экспериментов, снимут учебный фильм о явлениях в невесомости. Вообще в программе — серия совместных экспериментов.

Затем корабли разъединятся и еще раз состыкуются. А после уже «Союз» и «Аполлон» продолжат полет самостоятельно. На 96-м витке начнется приземление «Союза» на территорию Казахстана, а позже и приводнение «Аполлона» возле Гавайских островов.

Чтобы успешно провести все эти маневры на орбите, специалисты двух стран, экипажи кораблей познакомились с техникой обоих центров управления, встречались в Звездном и Хьюстоне, на Байконуре и на мысе Канаверал. Тренировки проходили в доброжелательной и деловой атмосфере. Был

преодолен языковой барьер. Нужно было научиться понимать друг друга, терминологию, принятую в каждой стране. У нас, например, космонавт после вызова с Земли отвечает: «Понял». У американцев «понял» заменяет условное имя «Роджер». Экипажи долго работали без переводчиков и сейчас хорошо понимают друг друга.

Дух взаимопонимания, четкого взаимодействия установился и между коллективами специалистов, готовящими совместный эксперимент, учеными, конструкторами, которые сравнивали свои точки зрения, подходы к различным проблемам и находили взаимоприемлемые решения. Наши страны должны объединить усилия не только в отдельных экспериментах, но и во всех исследованиях Солнечной системы и вне ее. И совместный полет — первая реальная работа, где можно опробовать возможности будущего сотрудничества в космосе.

На фото (справа налево):
А. Леонов и В. Кубасов
с астронавтами Т. Стаффордом,
В. Брандом и Д. Слейтоном.

Рассказ о предпусковых
минутах экипажей
«Союз» и «Аполлон» —
на третьей
звучковой
странице.

ОРБИТЕ

ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ —
ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ

В Заполярном «строили кино». Вечерами людское кольцо смыкалось вокруг стройплощадки, где поднималось над фундаментом здание широкоэкранного кинотеатра. «Давай, Пахомыч!» — раздавалось из толпы, и сухощавый молодой «Пахомыч» расплывался в улыбке, потому что слышалось в этом возгласе одобрение усилий его бригады и еще радость, что рождается в городке первый культурный центр.

Кинотеатр назвали «Юность». Рассказывают, целых два дня после сдачи там бесплатно «крутили кино» — для всех. А одно из кресел в зале горсовет закрепил навсегда за В. П. Сериковым. Неостребованный билет продавался в последнюю очередь, мальчишки выстаивали терпеливо, чтобы один мог похватать после сеанса: что, мол, «сидел в сериковском кресле»...

Услышал я эту историю в бригаде Владислава Пахомовича Серикова. И еще много историй услышал. А небольшая часть того, что рассказал мне сам бригадир, помещена на звуковой странице. При желании можно убедиться, как не очень просто, но красиво складывалась эта бригада. Хочу привести несколько записей из дневника, который вел Сериков полтора десятка лет назад в Заполярном, где строила бригада рудник и где нащупывал он вместе с инженером И. Ф. Шупой-Дубровой самые истоки того, что позднее назовут бригадным подрядом.

«Бригаде не будут давать много объектов, не более двух. Сдать их в срок бригада будет стремиться не только из-за премий, а из-за рабочей чести, совести».

«Роль коллектива в воспитании людей возрастет. Больше заинтересованность — меньше текучесть. Дисциплина, сознание, коллективизм».

По этому фото сложно судить о характере В. П. Серикова— Героя Социалистического Труда, коммуниста, ветерана строев в Заполярье. Но, если взглядеться, можно заметить, что в бригаде умеют и любят слушать бригадира. Люди привыкли к тому, что слово его—всегда предвестник дела. Фото автора

«Прогульщика, лодыря лишить какого-то процента премии или снизить ему разряд. Уволился человек по уважительной причине—получи свою часть бригадной премии. Сбежал—...катись с одним авансом!»

Записи эти не устарели. Просто вместо многих «будет» стоит теперь «есть».

Еще в Заполярном они приучали себя думать о будущем: как воспримут все, что остается после них, те, кто будет жить после?

Вот что рассказывал мне Сериков:

— Мы ведь и тогда еще, когда строили «Юность», становились уже экономистами. Была спроектирована в кинотеатре глухая стена. Сложить ее из красного кирпича? Надо потом облицовывать да разрисовывать. Дорого. Из светлого силикатного—дешевле, но... скучно. Посидели с инженерами, порисовали. Так и появилась эта стенка с красивым красно-белым орнаментом...

— Главное в подряде? Пожалуй, самоорганизация. Каждый должен знать

«свой маневр». С такой суворовской формулы мы начинали. Что это значит? Каждому звеньевому и рабочему бригады дается конкретная программа действий на полгода, на год вперед, с четким разделением—работы первой, второй, третьей очереди. Словом, решай сам, имея в виду конечную цель—сдачу всего комплекса без доделок,—чем тебе заняться сегодня, а что отложить на завтра...

Бригадир на стройке, естественно, все-му голова. Но правая его рука—совет бригады. Сюда могут войти все. Все, кто заслужил. Раз в полгода состав совета полностью переизбирают. Мнение Владислава Пахомовича Серикова значит много. И все-таки решает коллектив.

— Бывает, тянешь руку «за», а остальные десять — «против». Улыбаются: «Извини, мол, Пахомыч, недорос ты, значит, до осознания мнения коллектива. Решение совета—закон для бригады».

«Думать о будущем»... У Серикова это касается не только самого строитель-

ства. Вся бригада сопровождает подростков в цепочке: школа—ПТУ—производство. Бригада для школьников, а потом и для учеников профтехучилища становится и практикой и завидным местом будущей работы. Пусть не все потом пойдут в строители. Главное, что они в начале своей жизни приобщатся к созданию ценностей, почувствуют себя частью сообщество не просто работающих людей, но единомышленников. Кстати, тут влияние взаимное. «Если ты, строитель,—говорит Сериков,—пришел в школу и увидел себя со стороны, детскими глазами, какой ты хороший при всех своих орденах и медалях, ты же потом всегда к себе, такому хорошему, будешь тянуться...»

Бригадный подряд. Это метод-воспитатель: строитель становится хозяином на стройке. Ведь одна бригада берется за сооружение всего огромного комплекса. Что требуется от рабочего? Мастерство, конечно. Но еще—хозяйская хватка. До сорока процентов сэкономленной в ходе строительства суммы идет на ежегодную бригадную премию. У каждого в бригаде по несколько профессий! Жизнь заставила: стройка должна вестись непрерывно, и, если сегодня с перебоями идет бетон, бетонщики становятся сварщиками, или наоборот. Очень многие учатся. Для того, чтобы, скажем, читать чертежи не хуже мастера. И читают!

«Мы можем все!»—эту излюбленную сериковскую фразу, которая и не фраза вовсе, а словесный итог сделанного и предвестник дела нового, с удовольствием повторит каждый в его бригаде. Но разве это в конечном счете не смысл и нашей с вами жизни?

Борис ВАХНЮК,
специальный корреспондент
«Кругозора»
г. Мурманск

«Каждый мечтает сделать что-то замечательное, исключительное. И вдруг оказывается: не надо ехать открывать Антарктиду и не обязательно даже летать в Космос. Можно рядом, по соседству со своим домом сделать такое, за что тебе будет аплодировать страна...» Строитель В. П. Сериков говорит на первой звуковой странице.

первый нарком здоровья

«Товарищи, все внимание этому вопросу. Или выи победят социализм, или социализм победит выи!»—это ленинские слова, сказанные в декабре 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов. Борьба с эпидемическими болезнями, косившими людей, была борьбой за сохранение рабочих кадров, личного состава Красной Армии и в конечном счете—за сохранение Советской власти. И это дело поручили Николаю Александровичу Семашко.

Яркий представитель большевистской интеллигенции, поставивший на службу революции не только большой политический опыт, но и свои профессиональные знания, Николай Александрович подвергался репрессиям за участие в революции 1905 года. Эмигрировал в Швейцарию и здесь в 1907 году встретился с Лениным.

Семашко был арестован швейцарскими властями без объяснения причин. Поводом послужило письмо на его имя от человека, имевшего косвенное отношение к нашумевшей «тифлисской экспроприации» (захват группой Камо крупной суммы денег из казны на нужды революции). Сам Семашко вспоминал о тех днях: «Наконец на третьем месяце пребывания в тюрьме я вдруг получаю с воли... три мандарина... Я еле на ногах стоял от тюремной пищи... А тут вдруг мандарины!.. И вдруг вижу, что в том месте, где прикрепляется веточка мандаринового дерева... лежит маленькая, свернутая в трубочку вошенная бумажка... На записке было написано: «Не робей. Ты сидишь за экспроприацию в Тифлисе. Приехал Ленин, взялся за твое дело»... Конечно, мое участие в экспроприации—миф. Но, очевидно, органы царского правительства в Швейцарии нарочно придумали это, чтобы потребовать моей выдачи... Правительство рассчитывало таким образом разделаться со мной за руководство сормовским и нижегородским восстаниями и по совокупности с «экспроприацией» повесить.

Но В. И. Ленин сорвал этот план. Он пригласил лучшего адвоката в Швейцарии, кандидатура которого выставлялась тогда в президенты республики, и через несколько дней я был освобожден. Это было поздно вечером. С радостью побежал я на заседание нашей группы, и первые аплодисменты, которые встретили меня, были аплодисментами В. И. Ленина».

Таков лишь один из эпизодов богатой революционной биографии Семашко. Его талант организатора и пропагандиста щедро проявился на посту наркома здравоохранения. Борьба с эпидемиями, санитарное просвещение, подготовка кадров врачей, создание больниц, профилактическая работа, организация новой системы социального страхования—нет буквально ни одной области здравоохранения, в которую не внес бы Н. А. Семашко незаменимого вклада. Он был основоположником советской социальной гигиены.

Свыше четверти века Семашко вел педагогическую и научную работу. Когда началась Великая Отечественная война, Николай Александрович на митинге в медицинском институте первым поставил свою фамилию в списках добровольцев народного ополчения.

Оглядывая свой долгий жизненный путь, Николай Александрович писал в 1946 году: «...Я счастлив, что видел занимающуюся в предрассветном тумане зарю революции... Счастлив был, когда видел, какую мощь обнаружил наш Союз, родина революции, в годы тяжелых испытаний в Великую Отечественную войну. Счастлив, когда вижу, как быстро залечивает социалистическая страна глубокие раны, нанесенные врагами... И особенно я счастлив на склоне своих лет тем, что не только видел все это, но и принял активное участие в борьбе за счастье человечества».

Ю. СЕМЕНОВ

Н. А. Семашко при закладке больницы на Анжерских коях, 1929 год. Комиссия АМН СССР по изучению санитарных последствий войны, 1948 год; в президиуме Н. А. Семашко и член-корреспондент Академии медицинских наук Н. А. Виноградов (четвертый слева), чей рассказ о главном враче республики вы услышите на второй звуковой странице

МИР—КАК ЧУДО

Новелла Матвеева — поэт со своим миром. Это значит, что она каждый предмет видит по-своему, каждый предмет поворачивает так, что он предстает своей неожиданной гранью. Особая поэтическая «оптика» Н. Матвеевой делает ее стихи рельефными: мир в ее стихах предстает перед нами как необычное явление, все в нем загадочно, все примечательно, удивительно. Фантастика и реальность смешаны друг с другом, книжные мифы и бытовые события взаимно проникают друг в друга. Многие в поэзии Н. Матвеевой из книг, но это не книжность, поэт своим темпераментом озаряет книжные образы, своей кровью наполняет литературные и исторические ассоциации. Оттого так интересно в ее мире, все вызывает размышления, все поражает пестротой и разнообразием вымысла.

Песни — немалая часть ее творчества. Сказочность, условность, фантастическая причудливость придают им необыкновенное обаяние. В ее песнях, как и в стихах, много юмора. Юмор у Н. Матвеевой тонкий и поэтический. Ее юмор добрый. Доброта и мудрость — вот основа всей ее поэзии. И читатель благодарит Н. Матвееву за ту красоту, что открывается при чтении ее стихов, в которых земная наша реальность подана как чудо.

Евгений ВИНУКUROV

На восьмой звуковой странице вы услышите в авторском исполнении песни Новеллы Матвеевой «Мы, капитаны» и «Синее море» из радиоспектакля «Дикая собака Динго».

Новелла МАТВЕЕВА

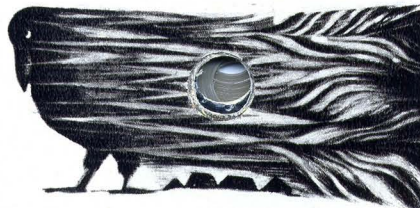
ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Морозных дней коснеющий триумф.
Подобнокладам реки на замке.
В дали снегов извозчика треух
Простер крыла, как муха в молоке.

Всю влагу стужа держит в кулаке,
Прольет ли каплю, пальцами тряхнув?
Видна ль весна сидящим на суке?
Не отзываясь, ворон точит клюв...

Внутри зимы, в пустых ее сених,
Я, ворон да возница на санях —
Три тени на серебряной стене...

Но от саней давно простыл и след,
А ворон так по-летнему одет,
Что — будь он проклят! —
холодно и мне...

ГОРЯЧЕЕ ТЕЧЕНИЕ

Когда на сушу походит море,
Являясь морем, как всегда?
Когда река впадает в море —
Покажется сушей морская вода.

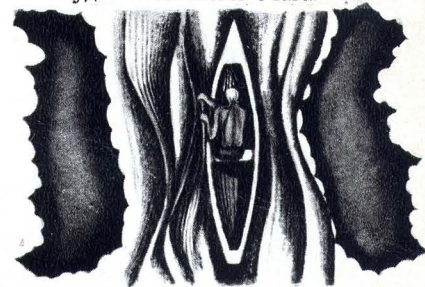
Бежит горячее течение
Чертою пара и облаков...
С волны морской на волну речную
Глядишь, как на море с берегов.

Вода стремлений с водой промедлений;
Вода — вода и земля — вода...
Шагают рядом река и море
И не сливаются никогда.

Но как трещат впереди буруны!
Как будто масло на пламя льют,
Холстину порют, скотину колют,
Скалу взрывают, из пушек бьют...

И тем чуднее нам звуки земные,
Что здесь, в море, мы их обрели...
Бурли, горячее течение!
Овей прозябшие корабли!

Пускай матрос, воротясь оттуда,
Где вечно тьма и всегда снега,
К волне твоей повернет ладони,
Как будто к пламени очага.

ЛУНА

Луна!
Потревожен твой сон и покой...
Не странно ли? — детям,
рожденным сейчас,
Луну никогда не увидать такой,
Какой заставал ее каждый из нас.

Как небо и море издревле и днес
Луну преломляют на «там»
и на «здесь».
Одним поколениям отныне — одна,
Другим поколениям — другая луна.

Но лунное счастье —
на чьей стороне?
Не знаю...

Ведь нынешним детям земли
Приходится жить при доступной луне,
А мы недоступную видеть могли.

Рассветные звезды гаснут...
Бескрыло перелетая,
Не двигаясь, пересела
Просветов лиственных стая.

Бледнеет небо
текучим,
Истаивающим движеньем,
С томительным, принужденным
И каменным выраженьем...

Упорно, высокомерно,
Словно статуй белые очи,
Но слаба и нежна основа
Ветерком изорванной ночи.

Дуновений темные пятна,
Островки проталин воздушных,
Точно ямочки, заиграли
На ее щеках равнодушных...

Как плащи итальянских нищих,
Облака цветные простерлись;
Износилась хламида мрака,
Нити сумерек перетерлись.

Старый вяз к румянцу востока
Повернул вниманье немое.
Блещет небо за облаками,
Как за сохнувшими сетями
Море...

Лишь в углу,
Где, ворсом перчаток,
Лезет мох из глянцевых яблонь,
Там, где Севера отпечаток
Резче врезан и глубже вдавлен,—
Все витает там ветер мнимый,
Ночи выученик любимый;
Завиваясь унылою пляской,
В черных папоротниках бродит...
И по лбу моему проводит
Серых перьев невидимой связкой...

Рисунки Н. Серебрякова

ЭХО СТОЛИЦ

Вечером на плиты парадного двора отеля Инвалидов в Париже снисходит «Тень славы». Так именуется представление из разряда спектаклей «Звук и свет», устраиваемых иногда во Франции около памятников, замков, дворцов и иных памятных мест, к коим всегда был причислен весь архитектурный ансамбль Инвалидов со старинными пушками на парадете и саркофагом Наполеона внутри часовни. За несколько франков можно увидеть отблески победоносных сражений и услышать отзвуки мар-

Правда, световой луч Парижа идет издалека. Холодные сумерки в классическом месте прогулок — в Тюильри. Вы проходите мимо бассейна. Мальчик, перегнувшись через бортик, пускает свой парус. Садитесь на скамью. Тихо. Машин почти не слышно, хотя они мчатся рядом по набережной. Только в соседней аллее бесшумно промелькнул велосипед с коляской — в близлежащее кафе повезли булki. Мальчик махнул рукой: «Пошла!» И все. Тишина. Но ведь на этом самом месте когда-то с триумфом встречали Вольтера. Там, куда повезли булki, братья Монгольфье поднимались

шей и барабанов, гремевших во времена Людовика XIV и Бонапарта.

В спектакле «Звук и свет» нельзя отделить звук от света — зрелище разрушится. Но, пытаясь зажечь на страницах «Кругозора» огни вечернего Парижа, очертить его уходящий в сумеречную темень контур, рассмотреть неоновое сплетение мерцающих надписей, реклам и немигающие квадраты витрин, стараясь различить лица идущих мимо людей, мы не можем поступить иначе и отъединим на время вашего чтения «звук», оставив лишь «свет» города.

кверху на своем шаре. Художник Пуссен ходил по этим аллеям и прикасался к мраморным нимфам кисточкой — был у него такой жест. А у бассейна стоял когда-то гроб с телом Руссо. Останки привезли сюда на несколько дней, и хор почитателей философа пел за деревьями сочиненную Жан-Жаком арию «В моей темной хижине». Когда же Бонапарт поселился в павильоне Кольбера — вот там, подальше, в глубине Лувра, виднеется угол, — ночью чья-то рука вывела углем надпись «Фабрика государей»... Издалека идет луч Парижа...

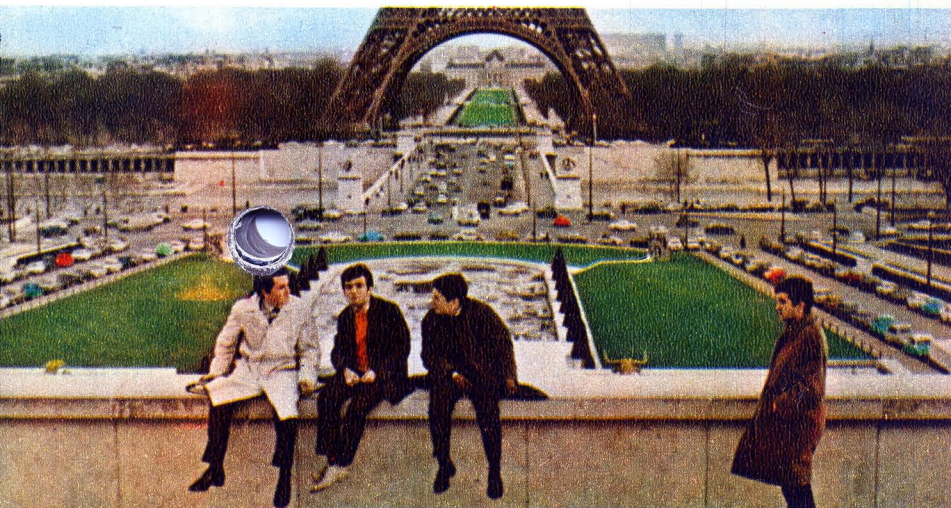
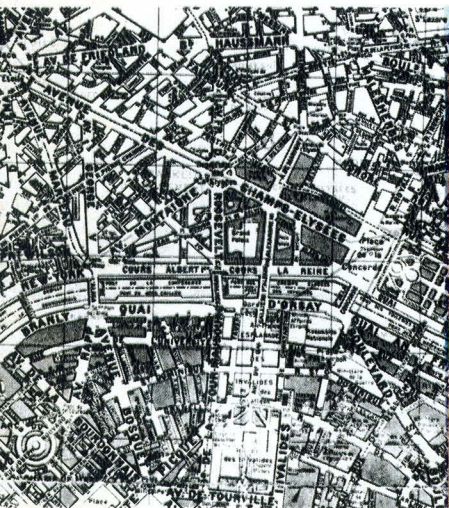

Темнеет. Ярче заблестело вдалеке световое облако. Пройдемся немного. У перекрестка бульвара Капуцинок и улицы Комартэн — пожар огней над мюзикхоллом «Олимпия». Редкое созвездие имен. Поэт и исполнитель своих сложных песенных поэм — Клод Нугаро. Бразильский гитарист Баден Пауэлл. Контрабасист, когда-то работавший с ансамблем «Свингл сингэрс», Ги Педерсен. Импровизированная дуэль Пауэлла с Педерсеном длится невероятно долго, держа публику почти в шахматном напряжении. И вдруг, лукаво взглянув в зал, Пауэлл разряжает атмосферу, ими-

Катрин Соваж — сбоку стриженная голова склонилась над текстом — готовятся к премьере спектакля «Как снег в летнюю пору». Кусочек цыганской жизни в современной Франции с подчеркнутым политическим фоном.

Впрочем, этот фон ощутим в Париже всегда. Если бы на него реагировал, положим, счетчик Гейгера, он стучал бы не переставая. Такова социальная заряженность столицы Франции. Реальные барометры — газеты. Чуть дальше театра Варьете, на бульваре Пуассоньер, у стендов «Юманите» стоят люди и внимательно читают номер. Станем рядом с

особняков и выползающих из них приземистых, длинных машин? И я вспомнил, как однажды в витрине магазина ламп увидел герметически закрытый стеклянный аквариум, от которого шел провод, включенный в розетку. В аквариуме двигалась волна густой ярко-синей жидкости. Безмолвная, подсвеченная, она то стлалась по дну, то вздыбливалась у края аквариума из толстого стекла. «Это игрушка для успокоения нервов, — объяснила стоявшая рядом дама. — Если мсье посмотрит на волну-автомат, ему станет легче дышать...» Рядом еще одно похожее устрой-

тируя (на гитаре!) под хохот зрителей музыки и перестроение французского почетного караула на аэродrome...

Синий дымок над жаровней торговца каштанами у театра Варьете. Фасад погружен во тьму. У тротуара останавливается такси, из него выходит человек в черном плаще-крылатке и скрывается в пассаже — длинной галерее, в конце которой есть вход для актеров. Лестница. Узкие, темные кулисы, а сцена залита светом. Возглас: «Мулу!» — и сорок актеров останавливают репетицию. Популярнейший актер Марсель Мулджи вместе с певицей и актрисой

ними на минутку. Посмотрим, что пишут. «Почтовики требуют немедленной прибавки в 200 франков... Три парижские типографии бастуют... Банковские служащие требуют... Путейцы требуют... Журналисты требуют...»

Газету, припиленную кнопками, треплет ветер. Кажется, с площади Бастилии доносится гул митинга и традиционные «пение» ораторов, забрасывающих серпантинные лозунгов в гущу манифестантов...

Ну, а что там, «с другой стороны улицы», как пелось в старой песенке Пиаф? Со стороны высокооконных

ство — пучок колеблющихся стальных прутьев, по-видимому, для успокоения глаз...

Размышления прерывает резкий, несколько монотонный крик: «Покупайте рабочую печать, воскресная рабочая печать!» И ответный звон монет в железной кружке.

От этого жестяного стука до гудения колоколов Нотр-Дам простирается звуковой Париж. Частичка его музыки, его слышимой панорамы — на пятой звуковой странице.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Фото Дм. Бальтерманца и автора

Григорий ЧУХРАЙ,
лауреат Ленинской премии

Я всегда любил армию, любил и службу в ней. Она мне кажется красивой. И мужским занятием.

...Когда началась Великая Отечественная война, я был в армии. Меня призвали сразу после окончания десятилетки в конце 1939 года. И к июню 41-го я уже окончил школу младших командиров-связистов.

Но случилось так, что на второй же день войны я был ранен и отправлен в госпиталь в Харьков. Ранение было нетяжелым, и в госпитале я занимался тем, что обучал таких же легкораненых работе на ключе и вообще радиоделу. Когда же врачи наконец разрешили мне вернуться в строй, фашисты подходили к Харькову.

Наш запасной полк был реорганизован в действующий, командиров не хватало, и я был назначен командиром пехотного взвода. В то время мне только исполнилось 20 лет, под мою команду попали 64 работника харьковского прилавка, мобилизованные, но еще не одетые в солдатские

ЧТО НАЖИТО В ПЕРЕЖИТОМ

шинели. Это были люди уже пожилые. Некоторые из них просто годились мне в отцы.

Я не был подготовлен для руководства стрелковым взводом, многого не знал. Взял велосипед, приехал с передовой в казармы, отыскал боевой устав пехоты, прочитал его и получил первое представление о том, как мне надо действовать.

Я понимал, что мне предстоит нелегкая задача — в несколько дней обучить своих новопришедших солдат пользоваться оружием и действовать в бою. Однако противник нам не дал сделать и этого. Уже на заре на нас пошли танки, а за танками — пехота.

И вот ситуация. Взрослые люди, многие из них, наверное, и не трусы, но не знают, как держать винтовку в руках. Я метался по окопу, пытаюсь поднять своих бойцов к брустверу. Но это удавалось мне плохо...

Нам посчастливилось: танки не пошли на нас. Теперь-то уже, как опытный солдат, я понимаю, что это была просто разведка боем.

Я мучительно думал, что мне делать. И вдруг на нашем бруствере оказался небольшого роста майор, который говорил шепеляво, не выговаривал некоторые буквы, тем не

менее мне он показался просто ангелом-спасителем. Он сказал: «Дорогие товарищи, ЦК ВЛКСМ объявил добровольный набор в воздушно-десантные войска. Может быть, кто-нибудь из вас хочет стать десантником?» Он еще не успел закончить фразы, как я понял, что все спасено. Страшнее смерти для меня было бесчестье. Я боялся снова не справиться со своим взводом, а в десантные войска я действительно очень хотел идти. У меня был свой счет к фашистам, я уже кое-что видел, не зря побывал в госпитале, и мне хотелось активно действовать против них. И когда отборочная комиссия признала меня годным и, поручив мне команду в семь человек, отправила в район, где формировалась третья воздушно-десантная бригада, я был чрезвычайно горд.

Нам всем хотелось поскорее научиться прыгать с парашютом, научиться действовать в тылу врага, злость была невероятная. Перебазировали нас на Северный

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ

Кавказ, и там началась напряженная учеба. Еще в кадровой у меня был командир, который хорошо знал рукопашный бой. Я был одним из его прилежных учеников. Оказалось, что инструкторов, так хорошо подготовленных, как, скажем, был подготовлен я, в бригаде нет. И вскоре я сам стал обучать своих бойцов рукопашному бою. Кроме того, пригодились мои знания по связи. На сей раз я уже командовал радиовзводом.

После подготовки мы действовали на Таманском полуострове, а затем нас послали в Сталинград, переименовав третий воздушно-десантный корпус в тридцать третью дивизию. Ей одной из первых на Сталинградском фронте было присвоено звание гвардейской. К этому слову я отношусь не формально. Мне дорого это звание...

Я перебираю сейчас в памяти те дни во всех подробностях, потому что думаю снять фильм о Сталинградском сражении. Конечно, очень важно, что я сам был участником этого сражения, я знал его дух, я его пережил. Но тут сразу встает и другой вопрос: что вынесено из пережитого, что нажито в пережитом? Он для меня очень важен, потому что в чем-то объясняет и мое отношение к войне и к тому, чем я занимаюсь. Попробуем разобратся в нем с вами вместе.

Григорий Чухрай
продолжает свой рассказ
на четвертой звуковой странице.
В нее включены
фрагменты фильма
«Баллада о солдате».

4

Фото Л. Лазарева

Сильва КАПУТИКЯН

Когда я впервые услышала Лусинэ Закарян, мне показалось, что именно о ней написал Александр Блок:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...

...И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

Возносящийся голос то и дело выделялся из единого дыхания хора, как птица отрывается от стаи, и, высоко паря, будто рвался из окон, чтобы влиться в голубизну неба.

И вырвался. И разнесся далеко. Разнесся и поднял с собою всех, кому дано идти за песней, за светом и красотой.

Сейчас Лусинэ — одна из любимейших армянских певиц. Однако «певица» — это сугубо профессионально и как-то не вяжется с ней. Ее песнь так естественна, непринужденна, самоценна для нее, что слушающему трудно поверить, будто Лусинэ, как и другие, училась и закончила консерваторию.

ЛУСИНЭ ЗАКАРЯН

● МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ ● МОЯ

ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ ● МОЯ ПРОФЕССИЯ —

У НАС МОЛОДЫХ

Вячеслав Добрынин учился музыке с детства. В музыкальной школе играл на виолончели, баяне. В музыкальном училище занимался на дирижерско-хоровом факультете. Собирался стать профессиональным музыкантом. А продолжил свое образование в Московском университете на отделении истории искусств исторического факультета. Его интересовала современная скульптура, работы молодых советских ваятелей. Им посвятил он свою дипломную работу и даже пошел в аспирантуру... Но вновь «заболел» музыкой, «заболел» песней.

Правда, он и не расставался с ней. Еще в университетские годы вместе с друзьями-студентами участвовал в вокально-инструментальном ансамбле «Орфей». Назвать его самостоятельным было бы не совсем верно — все участники имели специальное музыкальное образование, от училища до консерватории.

На смену студенческой песне под гитару, песне у костра шел новый жанр, ритмически современный, многоголосый, активный. Вот почему ансамбли вскоре стали так популярны в молодежной среде. Позже музыканты «Орфея» разошлись в другие коллективы — «Веселые ребята», «Голубые гитары», «Самоцветы»... А пока — это конец 60-х годов — выступ-

ежедневной «черной» работой овладела необходимой техникой. Закарян мало слышать, ее надо видеть. Потому что редко бывает, чтобы песня и исполнитель так дополняли друг друга, были бы так слитны и неразрывны.

Умолкнет она—кажется, все еще поет, а порою запоет, будто молчит прекрасным молчаньем мадонны. И всегда тихий свет и тепло излучает ее взгляд, какие-то неуловимые токи доброты, просветления передаются тебе.

Этим и прекрасна наша Лусинэ. Все это она несла с собою в Москву, Ленинград, во многие города Советского Союза. Пела в Южной и Северной Америке, во Франции, в странах Ближнего Востока. Так пусть же сейчас войдет в ваши дома она, всегда верная своему природному предназначению—нести свет и гармонию сердцам, созданным для песни.

Перевод А. Оганесяна

У армянской музыки почти такая же древняя история, как у самой Армении. Ей три тысячи лет. Сравнительно недавно кое-что из старинных песнопений было найдено, расшифровано. И, пожалуй, никому так удачно, как Лусинэ Закарян, не удалось донести до современного слушателя ценность и красоту этого народного песенного творчества.

На шестой звуковой странице Лусинэ Закарян поет средневековую армянскую песню «Когда» (V век) и «Кольбельную» ученика Комитаса—Барсега Каначяна на стихи Рафаэля Падкяняна.

ПЕСНЯ ● МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ ●

ления на конкурсах-концертах, устраиваемых Московским горкомом комсомола в «Молодежном» кафе на улице Горького, поездки по республикам...

Отдавая предпочтение своему любимому вокально-инструментальному жанру и работая в таких ансамблях, как «Самоцветы», «Контрасты», «Лада» (в последнем он был музыкальным руководителем), Вячеслав не только пел и играл на разных инструментах, в основном на гитаре, но и занимался аранжировкой произведений. Вскоре появились первые авторские сочинения.

Сейчас Вячеслав Добрынин уже автор нескольких десятков песен. К какому жанру он тяготеет больше, сказать трудно. Ему одинаково уда-

ются и гражданские песни, и лирические, и шуточные.

Многие из песен Добрынина—например, «У нас, молодых», «На земле живет любовь», «Ох, эти танцы»—исполняются на эстраде известными солистами и ансамблями, записаны на радио и грампластинках.

Леонид ДЕРБЕНЕВ

Фото А. Лидова

На десятой звуковой странице вы услышите песни В. Добрынина «Помоги мне, дождик» и «Я вас люблю» на стихи Н. Олева и «У нас, молодых» на стихи В. Харитоновна. Исполняют А. Пугачева, Л. Лещенко, ансамбли «Калинка» и «Самоцветы».

певец представляет песню

Этого конкурса «Кругозор» не объявлял—его подсказали нам сами читатели: песня или исполнитель, получившие самую многочисленную читательскую почту, выходят на звуковые страницы «Кругозора».

О творчестве Э. Пьехи журнал уже рассказывал. И все же: «Очень бы хотела услышать голос моей любимой певицы—Эдиты Пьехи»,—пишет нам Г. Коряковская из Волгоградской области. К ней присоединяются многие другие наши читатели и слушатели. В этом номере они услышат лирико-гражданскую песню «Наташка» (музыка Б. Потемкина, стихи А. Аускерна) в исполнении Э. Пьехи.

Имя Сергея Захарова стало известным не так давно—в 1974 году он стал победителем двух международных фестивалей эстрадной песни—«Золотой Орфей» в Болгарии и «Сопот-74» в Польше. С тех пор популярность певца, судя по письмам, растет. «Мне бы очень хотелось на страницах вашего журнала встретиться с Сергеем Захаровым. И хотя репертуар певца еще невелик, песни, которые он исполняет, очень хороши» (Люда Майданская, г. Иваново-Франковский). На звуковой странице в исполнении С. Захарова прозвучит песня «Любовь» (музыка О. Фельдмана, стихи Р. Гамзатова в переводе Р. Рождественского).

По просьбам читателей

Наталья ТАРАСЕНКОВА

За лето он написал ей несколько писем, но все порвал, кроме одного, последнего. Он и это хотел уничтожить, но ему показалось, что в нем все его сокровенные мысли. И письмо как бы предназначалось уже не ей, а ему самому. Когда он пришел в институт, письмо это лежало у него в кармане.

Он столкнулся с ней в вестибюле. И опешил... Она стала совершенно другой. Он даже не мог понять, что в ней так изменилось. Просто она уже не была той, о которой он думал все это лето. Он поздоровался с ней.

— Привет!—ответила она ему так, словно они вчера расстались.

— Где побывала?

— Купалась в море, кормила чаек.

— Чайки наглые,—сказал он неожиданно.

— Неправда, они доверчивые...

Теперь он понял, почему она стала другой—от загара. Загар грубил ее.

— А я был в деревне,—сказал он, хотя она ни о чем не спрашивала.—На реке.

ПИСЬМА

Там тоже чайки, только они другие, дикие.

Она не ответила. Прозвенел звонок, и они вошли в аудиторию. Вместе они еще никогда не сидели. Она прошла и села впереди. Он долго и пристально смотрел ей в затылок, но она так и не обернулась.

В перерыве он разговаривал с приятелями. Они говорили возбужденно. А он делал вид, будто все, о чем они говорят, для него интересно и важно. Он знал, что они посмеиваются над ним, называя его странным, а Катю старомодной. У них были другие отношения с девушками. Они жили весело и легко. Если что-то рушилось с одной, тотчас начиналось с другой. Промедления они боялись больше всего. И потому он не мог рассказать им, что все лето писал Кате письма, они бы и это сочли старомодным и посмеялись бы над ним.

Собственно, у него с Катей ничего и не было. Он называл ее «мой товарищ», они вместе готовились к сессии—только и всего. Но с тех пор его перестали интересовать вечеринки, на которых он раньше охотно бывал с друзьями. Это оттого, наверное, что он был занят подготовкой к экзаменам... Ему и в голову не приходило, что летом он будет так тосковать по ней, он не предполагал, что тоска наделена такой физической силой.

Кто-то окликнул его, он оглянулся. И тут увидел Катю. Рядом с долговязой девицей она казалась очень маленькой. Она выглядела комично. Эта девица готовилась вместе с ними к экзаменам, но о ней он начисто забыл; за лето она похудела, вытянулась и стала больше сутулиться. «Здорово смахивает на удочку»,—подумал он.

И тотчас вспомнил реку, как шарил веслом по дну, чтобы оттолкнуть лодку.

Сначала лодка идет лениво, непослушно. И бесстрастно смотрят с берега окна большого дома. Потом весла ложатся ритмично и четко. Но только он собирается выйти на середину реки, как откуда ни возьмись девочка. Кричит с берега, чтоб он нарвал ей кувшинок и лилий. Лодка заходит в тростник, трава зло шушукается, цепляет за весла. Он тянет длинные стебли кувшинок, они отчаян-

но сопротивляются, и лодка клонится набок. Он гребет ближе к берегу, выбирает цветы. Девчонка заходит в воду, ловит их, затем выбегает на песок, и в тишине слышно, как она торопливо надламывает стебли, чтобы поскорее нацепить на себя венки.

В это лето о Кате он думал постоянно. И тогда, сидя в лодке, видел перед собой ее испуганные глаза.

«Вся жизнь—это подготовка к экзаменам»,—вздыхая, говорила она.

«Хорошо бы еще их сдать»,—отшучивался он.

«Нет, ты только подумай, аттестат зрелости, потом вступительные, потом первая сессия, потом...»

«Потом будет легче»,—обещал он,—ты просто привыкнешь сдавать экзамены».

«Никогда не привыкну»,—слезно возражала она,—у меня каша в голове, я ничего не помню».

Она говорила ему так, словно он мог что-то изменить. Лицо ее становилось

беспомощным и несчастным. Когда она жаловалась ему, он чувствовал себя сильным, а когда благополучно сдавала экзамены, считал, что это его заслуга.

И там в деревне, на реке, он окончательно понял, что она нуждается в нем, что без него она просто погибнет.

Пошел дождь, обещавший своей монотонностью, что будет долгим. А он упорно сидел в лодке, рассеянно глядя на поплавок, с головой накрывшись старым брезентовым плащом. Дождь отчетливо стучал по брезенту, словно старался отвлечь его от назойливых мыслей: «Когда мы станем геодезистами, то вместе уйдем в экспедицию. А потом... Потом я буду уезжать один, а она будет ждать. И в ожидании есть своя слабость».

Сейчас Катя стояла неподалеку, разговаривала с долговязой девицей и казалась совершенно чужой. А те дождливые дни, от которых он уже просто взвыл—дождливые дни его ожидания,—показались ему прекрасными. Он

вдруг почувствовал безразличие к ней, такое же, когда пришел в институт, смотрел на нее и не видел, слушал и не слышал. И он подумал: «В общем-то я был нужен только затем, чтобы вместе готовиться к экзаменам, а до следующей сессии еще далеко... У нее отдохнувший вид, и, наверное, от этого она кажется такой надменной. Правильно сделал, что порвал все письма, и то, что лежит в кармане, тоже ни к чему. Я и это порву на мелкие кусочки и развею по ветру, как только выйду на улицу...»

Когда лекции кончились, он задержался в аудитории, повернувшись спиной, дал ей возможность уйти. Дурак, слишком много он возлагал на эту встречу. Он усмехнулся. И тут же пошел за ней. Она уже была в конце коридора и снова показала ему беспомощной и одинокой.

Она ждала его на улице. И они пошли рядом.

— Лето было дождливым,—сказала она.

— Да, ни к черту!

— Но зато природа берет свое. Какая теплынь!

Она дала ему подержать портфель, сняла плащ и, подцепив пальцем хлястик, перекинула его через плечо.

Они молчали. Было хорошо, что она идет с ним рядом. Но он боялся: молчание становится слишком долгим, и она сейчас бросит небрежно: «Ну, пока». Ему так много надо было сказать ей. Впрочем, он мог ничего не говорить, а просто отдать письмо.

Она вдруг остановилась, улыбнувшись застенчиво и виновато, будто заранее просила прощения за то, что скажет.

— Ты какой-то не такой,—наконец проговорила она.

— А какой же?

— Далекий, словно еще там, на реке...—Она рассмеялась осторожно.

Он ничего не ответил, а лишь пожал плечами.

Она достала из портфеля тетрадку и протянула ему.

— Мне было без тебя так грустно, что я все лето писала тебе. Прости, письмо получилось длинным...

Рисунок С. Алимова

Николай Константинович Рерих всемирно известен не только как художник, автор семи тысяч картин. Он был замечательным путешественником и побывал в десятках стран Европы, Азии и Америки. Но основная заслуга Николая Константиновича — в изучении Центральной Азии, и прежде всего Индии, Гималаев, Тибета. Мы хотим познакомить читателей с началом легендарного «индийского пути» **Н. К. Рериха** — его первой центральноазиатской экспедиции, длившейся пять лет — с 1923 по 1928 год.

В книге «Сердце Азии», страницы из которой впервые публикуются в «Кругозоре», **Н. К. Рерих** писал: «Кроме художественных задач, мы имели в виду ознакомиться с полужерием памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религий, обгчаев и отметить следы великого переселения народов». Путешествия его не были легкими, но Рерих считал: «Все трудности и невзгоды стираются перед каждодневным щедрим познанием... В странствии, в несравнимых сменах впечатления растет творчество».

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок.

Убедительность, это магическое качество творчества, не объяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое,

СЕРДЦЕ

Николай
РЕРИХ

АЗИИ

убеждающее будет отсутствовать...

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотой следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники-ладакцы определенно сказали нам, что перед каждым перевалом как людям, так и животным благодетельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допустимо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь не-

большую кружку горячего чая. Коням тоже перед перевалами не давали ни овса, ни сена.

Одна из особенностей снежных перевалов: мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытало ее в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражен правый глаз, и после двух дней в нем появились все изображения удвоенными совершенно ясно и четко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверили это показание и упорно получали тот же ответ. Менее неприятность доставлял нам и особенно Е. И.* так называемый горячий снег, когда снег от отраженного солнца дает нестерпимый жар, от которого некуда скрыться...

В Ниму, маленьком месте на высоте около 1100 футов перед Лехом, с нами произошло одно явление, на котором нельзя не остановиться, и было бы чрезвычайно желательно слышать об аналогиях. Был спокойный, ясный день. Мы остановились в палатках. Около десяти часов вечера я уже спал, а Е. И. подошла к своей постели и хотела открыть шерстяное одеяло. Но едва она дотронулась до него, как вспыхнуло большое розово-лиловое пламя цвета напряженного электричества, образовавшее как бы целый кустер около фута высотой. Е. И. с криком: «Огony!»

Огony!» — разбудила меня. Вскочив, я увидел следующее. Темный силуэт Е. И., а за нею движущееся, определенно осветившее палатку пламя. Е. И. пыталась руками гасить этот огонь, но он костром вырывался из-под рук, рассыпаясь на части. Эффектом от прикосновения была лишь теплота, но ни малейшего ожога, ни звука, ни запаха. Постепенно пламя все уменьшилось и исчезло, не оставив на одеяле никаких следов.

Нам случалось видеть различные электрические явления, но должен сказать, что явления подобной силы нам никогда не приходилось наблюдать. В Дарджилинге шавровидная молния была в двух футах от моей головы. В Гульмарге, в Кашмире, в течение трехдневной беспрестанной грозы с градом в голубиное яйцо мы наблюдали всевозможные виды молнии. В Трансгималаях неоднократно мы испытывали на себе различные электрические явления. Помню, как в Чунаргене, на высоте около 15000 футов, ночью, проснувшись в палатке, я дотронулся до одеяла и был поражен синим светом, блеснувшим и как бы окружившим мою руку. Предполагая, что это явление могло произойти только в соприкосновении с шерстью одеяла, я тронул мою подушку. Эффект получился тот же. Затем я начал прикасаться к различным родам поверхности — к дереву, бумаге, брезенту, — и всюду получался тот же синий свет, неощутимый, без треска и без запаха.

* Елена Ивановна Рерих — жена Н. К. Рериха.

Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований... Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15—16 000 футах, глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками, самая неожиданная растительность— все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности.

В Шарагольчах вместе с окрестными монголами мы испытали бедствие от горных ливней. Наш стан находился на берегу маленького и, казалось бы, самого мирного горного ручья. В конце июля в направ-

лении Улан-Давана Гумбольдтовой цепи три ночи подряд раздавался какой-то непонятный продолжительный глухой шум. Мы приписывали его ветру. 28 июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и залившая всю окрестность волнами выше одного метра. Сила течения была необыкновенна. Наша кухня, столовая палатка были немедленно унесены со всем содержимым.

Часа через два поток начал уменьшаться, а наутро мы увидели измокшую, совершенно измененную местность. На месте барханов были глубокие вымоины, а вместо низин возвышались из песка и щебня новые бугры. Это происшествие еще раз подтвердило

наше наблюдение о наносных слоях Центральной Азии.

Большое впечатление оставил на всех нас переход по соляной поверхности Цайдама. Странно было идти сперва безводной песчаной пустыней и чувствовать, что на запад от нас начинается малоисследованное нагорье Кунь-Луна. Постепенно пески сменились затвердевшими соляными отложениями, дарами бывшего озера, и караван вошел как бы в бесконечное кладбище, состоящее из нагроможденных острых соляных плит. Самое опасное место пришлось идти в сумерках, а затем при луне. Монголы кричали: «Только не сворачивайте с тропинки!» Действительно, по бокам среди острых краев плит чернели ямы, и сама тропинка была усыяна дырками, попав в которые животное легко могло сломать ногу. Кони шли особенно осторожно. Из верблюдов провалились на самой тропинке лишь один и с большими трудами был вытасчен. Солончаковая пыль овеивала все место каким-то странным туманом, глубоко проникая в легкие. Ночью как бы вспыхивали какие-то красные огоньки. Наутро соляные плиты постепенно перешли в белое порошковое отложение и сменились песками. Вдали перед нами синели горы. Это было Нейджи, географическая граница Тибета, хотя пограничные посты встретились много позже.

Публикация И. Богдановой-Рерих. Картины Н. К. Рериха из музея в Нью-Йорке: «Звезда Героя», «Коксар, лагерь», «Приказ Ригден-Джати».

МУЗЫКА ЭКРАНА

Риши Капур, сын индийского киноактера и кинорежиссера Раджа Капура, известного советским зрителям по фильмам «Бродяга», «Господин-420» и другим, снялся в новой картине отца — «Бобби». «Это история современных молодых людей, — говорит Радж Капур, — в которой я, как отец, постарался понять, осмыслить проблемы и чувства наших детей».

Фильм, созданный по повести писателя Ходжи Ахмад Аббаса, с которым Раджа Капура связывает давняя творческая дружба, повествует о двух взглядах на жизнь, о разнице в оценке событий. Режиссер, как будто не вмешиваясь в сюжет, заставляет все же зрителя принять авторскую точку зрения.

На одиннадцатой звуковой странице — три песни из фильма «Бобби». Музыка Лакшмиканта Пьярелала. Поют Шайлендра Сингх, Лата Мангешкар и Манна Дей.

7(135) июль
1975 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Год основания —
1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки:
«В открытом космосе»
Художник
М. Ромадин

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
30 IV 1975 г.
Б 04608 Подп. к печ.
9/VI 1975 г.
Формат 60 × 84 / 12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 683. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **За что аплодирует страна.** Страницы биографии Героя Социалистического Труда В. П. Серикова.
2. **Первый нарком здоровья.** Говорит Н. А. Семашко (запись 20-х годов).
3. **Рукопожатие на орбите.** К совместному полету кораблей «Союз» и «Аполлон».
4. **Солдаты из баллады.** Рассказы-ваев кинорежиссер Григорий Чухрай.
5. **Звуковая панорама Парижа.**
6. **Поет Лусинэ Закарян.**
- 7 **Певец представляет песню Эдита Пьеха:** «Наташка» (Б. Потемкин, А. Аускерн); **Сергей Захаров:** «Любовь» (О. Фельцман, Р. Гамзатов, Р. Рождественский).
8. **Песни Новеллы Матвеевой** в авторском исполнении.
9. **На эстраде — Игорь Ильинский.** Монолог Огурцова о кинокомедиях.
10. **Композитор Вячеслав Добрынин:** «Помоги мне, дождик» и «Я вас люблю» на стихи Н. Олева, «У нас, молодых» на стихи В. Харитоновна.
11. **Музыка из кинофильма «Бобби»** (Индия).
12. **Ринго Старр** (Англия): две песни.

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО.

Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер).
Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

ИСКУССТВО СМЕШНОГО

9

ТЕАТР
«КРУГОЗОР»

Дружеский шарж
В. Шарковой

Попробуйте, не выбирая собеседника или собеседницу специально, задать вопрос: «Что вы думаете о мастерской смеха Игоря Ильинского?»

Ответы, конечно, будут разные, но их объединяющим началом станет благодарная улыбка на лицах.

Театралы вспомнят Хлестакова в «Ревизоре», Аркашку Счастливецва с его приплясывающей походочкой в «Лесе». Вспомнят еще и еще по-разному смешных сценических Ильинских.

Знатoki кино с такой же благодарной улыбкой будут говорить о веселом бродяге Тапиоки из прелестного старого фильма «Процесс о трех миллионах», о спесиво-надутom Бывалове из «Волги-Волги», о его преемнике Огурцове из «Карнавальной ночи»...

Телезрители вспомнят фильмы Ильинского по рассказам Чехова и Зощенко. Любители художественного чтения скажут о том, что актер по-новому раскрыл для них юмор Крылова, Михалкова...

Как он добился всенародного признания—этот замечательный, многоликий и всегда узнаваемый мастер смешного? Можно ответить просто: талантом и трудом. Но это будет слишком общо.

Игорь Владимирович Ильинский в книге «Сам о себе» сказал по этому поводу более емко и более точно. Имея в виду своего сына, он в предисловии написал: «Я хочу, чтобы он получил книгу от сердца, книгу, в которой не будет ни ханжества, ни слова лжи».

Ко всему творчеству Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР Игоря Ильинского приложимы эти слова—«от сердца». То есть от правды жизни.

Он всегда искренен в искусстве, всегда гражданствен. За что и награжден всенародной улыбкой благодарности.

Леонид ЛЕНЧ

На девятой звуковой странице—юмореска Владимира Полякова «Огурцов о кинокомедиях».

**РИНГО
СТАРР**

Англия.

Когда известный не только в Великобритании вокально-инструментальный ансамбль распался на четыре самостоятельных «я», все западные газеты предсказали им музыкальную смерть. И самые мрачные прогнозы касались Ринго Старра.

В самом деле, что мог ударник Ринго сделать один, без товарищей, которые умели и петь и сочинять музыку?

«Конечно, он не Карузо», — писали о нем английские газеты. Но Ринго Старр доказал, что он не был только «барабанным» фоном для своих друзей. Оставшись один, он достиг успеха сразу в двух видах искусства: снялся в трех кинокартинах и выпустил свою грампластинку.

Если в «Канди» и «Слепом» традиционность вестерна не дала возможности развернуться ему как актеру кино, то фильм «Будет такой день» принес ему настоящее признание. В нем Ринго сыграл роль типичного для пятидесятых годов философствующего мальчишки.

Пластинка Старра, названная просто «Ринго», вернула ему славу былых времен. Наконец прозвучал его голос, и он оказался теплым, дружеским. У певца-дебютанта нашлись и помощники — его прежние друзья по ансамблю. Он сумел снова собрать их в творческий союз на пластинке «Ринго». Джон Леннон написал для нее полную доброго юмора песню «Я самый великий», Поль Маккартни — «Шесть часов», а Джордж Харрисон предложил песню «Снимок». Сам Ринго выступил автором композиции «Тебе 16 лет», которая впоследствии была признана лучшей.

Но, пожалуй, самым важным в жизни Старра стал поступок, связавший его имя с rasterзанной войной и голодом Республикой Бангладеш. Вместе с Джорджем Харрисоном он дал большой концерт, все сборы с которого пошли в пользу отстоявшей свою независимость страны. Так Ринго Старр свой талант и энергию посвятил благородной цели — братству между народами.

Бригитта ИОСИФОВА

Цена 1 руб.